

Татьяна ЧЕБАТУРКИНА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Татьяна Чебатуркина

Возвращение. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25278675

ISBN 9785448555930

Аннотация

В повести Татьяны Чебатуркиной «Возвращение» сделана попытка ответить на вопросы: За что любят женщину? Почему эта женщина с первых минут встречи, словно околдовала его, заслонила работавших рядом с ним в офисе женщин, которые были более молодыми, привлекательными, достаточно умными и были не прочь вступить с ним в более близкие отношения? Вернувшийся из Германии преуспевающий бизнесмен задает эти вопросы себе, встретив подругу своего детства...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВОЗВРАЩЕНИЕ	5
Глава 1. ВСТРЕЧА	5
Глава 2. ЖЕНЬКА	13
Глава 3. ШАЛАШ	20
Глава 4. ВОСПОМИНАНИЯ	29
Глава 5. КОСТЯ	32
Глава 6. РАЗДУМЬЕ	35
Глава 7. ПОДЗЕМНЫЙ ХОД	39
Глава 8. ДОРОГА	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Возвращение Повесть

Татьяна Чебатуркина

Художник Наталья Викторовна Ананьева

© Татьяна Чебатуркина, 2017

ISBN 978-5-4485-5593-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Нет на свете дорожке клада, чем любовь.
(Из песни)*

Глава 1. ВСТРЕЧА

*Надо верить в дороги, в счастливые встречи,
Когда на миг столкнет судьба
с другой и размежит,
И ловишь жадным взором через толпы и наречья
Знакомый взгляд, и знаешь —
Вновь судьба не ублажит.*

– Не люблю август, – Саша заплела косу, повязала белую косынку, сразу стала похожей на постаревшую прихожанку на службе в церкви, дождалась старый школьный грузовик, забросила в кузов мешки, ведро, лопату и, отказавшись от протянутой руки, перемахнула через борт.

– Когда мы тебя замуж отдадим? Такая видная женщина! Хватит тебе и пахать, и сеять, и картошку копать! – на единственной шершавой лавке у кабины, нахохлившись, теснились жена завхоза, учителя – пенсионеры с женами и худенькая школьная техничка тетя Лиза.

– Сашенька, магарыч поставишь, – выкопаем твою кар-

тошку за милую душу! – оживились химик и физкультурник.

– Да вам бы только с молодыми улыбаться! Бабники! – жена химика Зинаида Ивановна скорбно поджала губы, и, если бы позволила лавка, отодвинулась от супруга.

Женщины расхохотались. Жена физкультурника, выглядевшая на десять лет моложе мужа, поправила платок:

– Сашенька, мы своих помощников к тебе направим. Пусть своей учительнице помогут, а ты с ними потом математикой позанимаешься. Магарыч им подавай!

Саша села на перевернутое ведро, сдернула косынку, подставила лицо сухому жаркому ветру.

На Ильин день погрохотало не сердито где-то в вышине, по улицам пронеслись, закручиваясь вверх, пыльные столбы без единой капли дождя.

А вокруг до самого горизонта тянулась сожженная по-пынная степь, разбавленная кое-где изнемогающими от зноя пыльными лесополосами да одинокими деревьями по берегам ериков и засыхающих стариц.

День заметно укоротился, словно солнцу надоело по утрам торопиться на работу, и оно просыпало свое время, натягивая на себя тяжесть угрюмых безводных туч, но потом, спохватившись, резво карабкалось вверх по небосклону, стараясь дожечь все живое.

Машина попрыгала на глубоких трещинах разбитого асфальта мимо одноэтажных домиков, шикарных особняков местной элиты, а затем свернула к реке.

– Эх, вот так бы мчаться и мчаться бездумно вперед, оставив позади все проблемы приближающегося нового учебного года, закрутки, банки, компоты, – размечталась Саша, но машина, затормозив плавно, остановилась у домика сторожа.

На плантации было многолюдно. Прошел слух, что с края у реки неизвестные выкопали делянки с картошкой, прихватив дыни и арбузы.

Здесь за селом было раздолье земли, солнца и воды.

Дома у Саши был небольшой садик с виноградником, грядки с овощами, цветник, но не хватало влаги. Поливала по ночам, но вода бежала неохотно, тоненькой струйкой.

Весь день потом Саша ходила, как чумная. Хотелось спать.

Начали засыхать от безводья яблони, орешник, привезенный из Тархан, – родины Лермонтова.

Соседние участки директора школы и завуча были уже выкопаны, на них сиротливо высились горы беспорядочно брошенной, уже увядшей ботвы.

Вздыхнув, Саша начала выворачивать из земли засохшие кусты:

– Надо копать. Хорошо, машин много – помогут довести мешки с картошкой до калитки.

«Глаза страшат, а руки делают», – плакат с этим девизом она повесила в своем кабинете математики над доской, уверовав в силу заклинания, призывавшего к деятельности

и позволявшего гордиться пусть даже малыми победами над неуверенностью, безволием, бессилием.

Копала картошку весь день, с азартом выбирая из земли и наполняя пустое сначала ведро гулко бухающими клубнями. Соседские мальчишки помогли докопать последние пять рядков.

Вместо отдыха побрела к реке. Присела, свесив ноги, на песчаный прогретый за день обрывистый берег. Воду кое-где почти до середины затянуло ряской. Кружили сонно в воздухе первые редкие позолоченные листья с серебристых тополей. От воды вдруг потянуло прохладой. Сердце сжалось от первых намеков приближающейся осени.

– Раскисаю, – не хотелось двигаться, вообще шевелиться. – Хватит, – одернула себя, – надо радоваться, что все летние хлопоты скоро будут позади.

Быстро сдернула косынку, брюки, футболку и бухнулась с разбега в глубину.

Вода охладила разгоряченное тело. Вынырнув, Саша поплыла против довольно сильного течения на изгибе реки, отгоняя ладонями плывущие навстречу ветки с паутиной, листья и прочий мусор.

Стало так тихо и спокойно, сердце забилося ровно и, казалось, даже счастливо.

– Господи! Дай мне силы и здоровье, и возможность жить в ладу самой с собой!

Одевалась, дрожа от озноба и мокрого белья. Бегом рва-

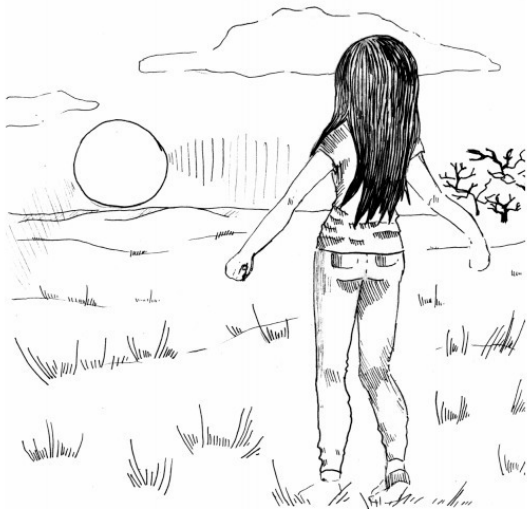
нула через пыльную поляну с выкошенной еще в июне травой.

Самые упорные селяне докапывали свои делянки. Машины, торопясь домой, отъезжали одна за другой, поднимая пыльные хвосты высоко в небо.

Саша свернула на шоссе. В воскресный вечер оно было безлюдно. Пока шла по обочине на юг, солнце слабо грело правую щеку, но вот повернула на запад и вдруг утонула в солнечном пламени.

Это было нереальное волшебство: синеющее небо словно растворилось, пропало. И остался только пылающий золотой шар на дороге так близко, что казалось, – протяни руку и обожжешься, или растворишься в его глубине, в этой неге.

Саша крепко зажмурилась, потом осторожно приоткрыла глаза.

От шара по-прежнему струились живые потоки огня, причем, они добежали, дотянулись до нее, обливая с головы до ног ласковым теплом.

Саша, раскинув руки в стороны, застыла:

– Буду стоять, пока не погаснет это чудо.

Через минуту на лицо упала тень. На обочине метрах в десяти от нее остановилась машина, загордив солнце. И теперь лучи вырывались из-за нее во все стороны, точно прутуберанцы, сгустки энергии от готовящегося закатиться за горизонт светила. И в этом видимом ореоле солнечного потока от машины к ней шел высокий стройный спортивного типа

мужчина. Он подошел поближе. Это был Женя – взрослый, изменившийся, неожиданный Женя. Евгений Карлович Вебер.

Да, перед ней стоял загоревший («Но не на нашей жаре», – мелькнула мысль), подтянутый («Наверное, много двигается – теннис или футбол?»), в узких джинсах, в белоснежной футболке с какими-то надписями, в белых кроссовках, с аккуратной стрижкой и зачесанным слева направо с каким-то задором неизменным чубом светлых волос («Не постарел, не растолстел, не полысел»).

Его серые прищуренные глаза под выступающими, словно нахмуренными темными бровями, смотрели растерянно, изумленно и еще непонятно как.

– Ты? – Саша резко опустила руки, представив, как она выглядит нелепо со стороны, – лохматая, с распущенными сохнувшими на солнце волосами, обнимающая горизонт.

– Ну, здравствуй! – Женя сделал один или два шага навстречу, и она – свободная, независимая, оказалась вдруг в кольце его теплых сильных незнакомых рук. Женя прижал ее к себе, и Саша с ее ста шестидесяти тремя сантиметрами роста неожиданно уткнулась носом в вырез его футболки, не зная, куда деть руки, а потом инстинктивно, точно обороняясь, как-то неловко, с трудом оттолкнулась от широкой груди, от незнакомого запаха неизвестной туалетной воды.

– Купалась?! – полувопросительно спросил Женя, проводя неторопливо ладонью по длинным влажным прядям во-

лос, и уже властно притянул к себе, сжал в настоящих мужских объятиях, пытаюсь согреть.

– Вид у меня только для такой встречи, – мелькнуло на мгновение, но Женя, обняв за плечи, повел ее к своей машине. Достал кожаную куртку, завернул Сашу в нее, словно маленькую девочку, шепча: – Сашенька, ты совсем не изменилась. Нет, ты изменилась – расцвела. Улыбнулась – и сразу вижу: ямочки на твоих щеках никуда не делись. Можно я тебя поцелую, – и он, не скрывая своей радости от неожиданной встречи, снова сжал ее в объятиях, нашел губы, и Саша задрожала от жгучего желания остаться в этих объятиях надолго, навсегда. Они не виделись ровно двадцать лет. И она вспомнила все...

Глава 2. ЖЕНЬКА

*Далекая заволжская сторона —
Здесь отчий край: польнь, ковыль.
Ромашек ласковых на голове коронка,
Горячий ветер, рвущий глинистую пыль.*

...Солнце пронизывает куст ежевики. Отодвигаешь колючую ветку, приседаешь и, словно проваливаешься в другой мир: перед глазами огромная гроздь черных ягод, рядом в паутине грозно напрягшийся паучок балансирует на прозрачной ниточке....

Жесткий лист ежевичного куста щекочет ухо, пряди волос из-под косынки лезут в глаза, в бидончик с ягодой сыплются созревшие семена бурьяна. Вокруг – неумолчный шум знойного лета – звон и пение птиц, писк комаров, жужжание ос, – и несусветная жара на пригорке.

Под деревьями – тень, холодок, и не хочется двигаться дальше, но лезешь опять в полумрак нового овражка, в заросли крапивы, болотной травы, высушенного камыша.

Бидончик почти полон, но при ходьбе ягоды утрясаются, а они и слева, и справа, и под ногами – вот, что значат два вовремя выпавших в мае и июне дождя в Заволжье.

Кожушковский лес – громко сказано, – это оазис, где река Еруслан делает крутые повороты по низине и дает жизнь вековым тополям, кленам, ивам и бесконечным зарослям ку-

старников и ежевики.

А впереди после леса – еще пять километров по вытоптанной пыльной дороге через выжженную степь и полуденный зной.

...Саша рывком сбрасывает горячую потную простыню. Каждую ночь она видит обжигающие, волнующие сны – сны-воспоминания, сны-предсказания, – всегда такие явные, радостные, из глубины и тьмы которых так трудно вынырнуть в повседневную жизнь.

Из открытого окна тянет теплый летний сквознячок, подгоняя: «Скорей на улицу, на речку...»

Край неба над домами слегка побледнел. Но еще очень рано, темно и гулко, хотя звезды постепенно растворяются в вышине.

После глухоты домашней дремы звуки просыпающегося дня особенно чисты: вот на высокой сосне соседнего двора несмело прочистила горло кукушка и пошла, нежадная, обещать многие лета. Молодой петушок неумело передразнил старого петуха. Прогредел по дороге трактор с пустой тележкой.

– Живут во мне как бы часы магнитные,
Что будят с детства в утренней поре
И обреченно гонят чрез кусты раkitные
К остывшей за ночь дремлющей воде.
И видишь гаснущую тень увядшей ночи,
И торжество рожденья вспыхнувшей зари,

Туман, что осторожно гладит высохшие кочки.
И одиноко жмущиеся к хатам фонари, —

шепчет Саша, крутя педали на пустынной улице.

Поплавок не виден в трех метрах от берега, в камышах напротив — тлеющие красноватые огоньки сигарет многочисленных рыбаков. Гулко и неожиданно на середине пруда бьет хвостом сазан или большой карась, и волны, расходясь, сминают покой и раскачивают поплавки.

Зябко, мерзнут ноги в резиновых сапогах, беспокойно гудит над головой комариная стая. Но вот поплавок, нехотя дернувшись несколько раз, ложится на воду и, мгновение спустя, резко уходит в воду. Первый карась падает с крючка далеко за спиной, подальше от воды на цветочный луг, а на берегу оживают рыбаки.

— Вот, смотри, везет девчонке! Мне, что ли для приманки белый платок надеть? Сидим тут, а девчонка карасей подсекает, — но тут клев начинается у всех, и стихают пустые разговоры.

С рыбалки Саша возвращается после десяти часов, стараясь поскорее проскочить многолюдный центр села под любопытными взглядами односельчан.

«Рыбу почищу и спать». На улице — ни ветерка, зной звенит, но во дворе утки и куры — без воды, попадали в тени сарая, раскрыв судорожно клювы.

Схватила ведра — бегом к колодцу. Внизу, в глубине —

манящее зеркало воды. Старинное коромысло привычно пригнуло к земле. Нужно выпрямиться и идти гордо: тебе не жарко и не тяжело, иди прямо, осторожно, чтобы ни капли на землю не упало. Еще ходка – два ведра в бак на крыше летнего душа, еще раз сходила – поросенку, запас на кухню.

А в почтовом ящике – записка: «В пять часов – у шалаша. Новость – упадешь. Женя».

– Интересно, что за новость? Женя, Женя, – пропела Саша, Сразу расхотелось спать. – Что он придумал на этот раз?

Женя Вебер – немец. Просто пришел в феврале в восьмом классе симпатичный новенький – длинная густая шевелюра светлых волос, словно давно в парикмахерской не был, чуб по-взрослому набок зачесан, глаза серые, насмешливые, подбородок широкий, волевой – такой стильный мальчик в джинсовых брюках, куртке со спортивной сумкой через плечо.

Сел на первую свободную парту прямо перед носом учительницы географии и сказал независимо:

– Я – немец. Мы приехали с Алтая. – А на перемене пересел запросто к ней, Саше, на третий ряд,

– У меня многих учебников нет. Поделишься? – Саша растерялась, молча, подвинула географию на середину. Весь день учителя, точно сговорившись, вызывали Женю к доске.

После уроков пошел рядом смело, не оглядываясь, на обалдевших одноклассников:

– Я тебя провожу. Посмотрю, где ты живешь. Три месяца

придется перебиваться без учебников.

Они вышли из школы, прошли площадь, остановились у двухэтажного дома, в котором жили Сашины бабушка и дедушка.

– Саша, если ты согласна, давай договоримся: ты делаешь уроки до шести часов вечера, а я после шести буду забирать у тебя все книжки.

– Почему я? – вертелось на языке. Спокойная уверенность новичка так поразила ее, что она, кивнув в знак согласия, чуть ли не бегом рванулась к входной двери, потом остановилась. В квартире на первом этаже жили родители отца, ветераны войны, а Саша жила далеко от школы в старом кулацком когда-то доме, но идти почти через все село рядом с незнакомым парнем – это было слишком.

Женя, развернувшись, не спеша пошел в другую сторону от школы.

Взлетев на кухню, Саша прилипла носом к окну, но Женя уже скрылся за поворотом. Щеки горели, ладони стали противно потными. Саша бросилась к умывальнику:

– Вот попала в историю. Сказала бы «Нет!» и все. Теперь каждый вечер топать до шести часов вечера километр через все село с учебниками. А если факультатив или секция?

– Иди обедать, – позвала бабушка, но от волнения аппетит пропал.

Проблема с учебниками разрешилась через неделю – расстарались учителя и старшая сестра Эмма. Целую неделю

Саша бегала к бабуле с тяжелой сумкой, радуясь, что утром в школу полетит налегке.

Женя ни о чем не догадывался. Ровно в шесть часов вечера он нажимал кнопку электрического звонка и ждал. Саша вытаскивала нужные учебники, втайне, надеясь, что Женя попросит у нее списать решенные задачи, но он, улыбаясь, складывал в большой черный портфель гору книжек, кивал: – Спасибо, – и спешил на тренировки по баскетболу.

А утром приносил учебники обратно в школу, садился рядом на эту несчастную первую парту на третьем ряду. Саша боялась осуждающих взглядов одноклассников и, особенно, подружек, но неделя пролетела так стремительно-суматошно, что было не до взглядов.

А в конце недели Женя вдруг вызвал Сашу во двор:
– Ну, так, где же ты живешь? Может, рассекретишься?

Они были примерно одного роста и оказались в такой опасной близости, точно собрались танцевать медленный танец. Женя схватил тоненькую с одними тетрадками сумочку на длинном ремешке: – Пошли.

Это был шок. Саша поняла, что влюбилась, словно сошла с ума. Она стала писать стихи.

За окном поет синица,
Звонко вторит ей капель,
Мне бы только не влюбиться,
Отсидеться, затаиться,
Как от гриппа защититься,

Заморозить в сердце хмель.
А оно, не подчиняясь,
Гонит кровь, стучит в висках,
В зеркалах, вдруг отражаясь,
Себя видишь, точно в снах.

Глава 3. ШАЛАШ

*Один твой взгляд, здесь в зале схваченный
внезапно,*

*Мне говорит о многом – о былом,
Ведь утром свой конверт, полученный обратно,
Сжигает сердце неожиданным огнем.
И дневника истертые страницы
Под детскою доверчивой рукой,
Вдруг оживляют в памяти зарницы,
Шалаш, костер и звезды над водой.
Уже не помнишь лица и фамилии,
Но теплится в листочках грусть,
Косым дождем заплаканные линии
Напоминают: больше не вернуть
Поэзию тех первых чутких весен,
Бездумье школьных дивных вечеров,
Когда мир становился тесен,
Тянуло в шорохи задумчивых кустов...
Нет, не забыть то упоенье молодостью,
страстью,*

*Дразнящее очарование красотой,
И слезы бурные к осеннему ненастью,
И ощущение счастья раннею весной,
И резкий взлет надежды, ожиданий,
Грусть одиночества в заброшенном саду,
Разлук нетерпеливость и прощаний,
И постоянное неверие в беду.*

– Ты надолго в Россию? – Саша согрелась в машине,

но беспокоилась, что от мокрых трусов и влажных джинсов на сидении останется неприличный след

– Приехал клад искать. Помнишь, как летом тогда полезли в колодец за кладом? – Женя уверенно вел свою шикарную импортную машину с немецкими номерами и был таким незнакомым мужчиной из другой страны, из другого мира, из чужой жизни.

Он возмужал, раздался в плечах, вырос на целую голову, голос стал грубее, изменилась прическа, но густой чуб был по-прежнему зачесан небрежно на правую сторону. И Саша после такой радостно-откровенной встречи вдруг сжалась, не зная, радоваться или огорчаться:

– Да, наш клад нас точно дожидается, – она упорно смотрела вперед на дорогу, боясь встретиться взглядом с Жениными взглядами, которые тот изредка бросал на нее, видимо, незаметно рассматривая.

– Нет, здорово, что я тебя на дороге встретил. Еду в Старую Полтавку на разведку – вдруг ты! В гости пригласишь или мы с тобой где-нибудь в кафе посидим? Помнишь шалаш на берегу? – и снова память заскользила, словно солнечный зайчик по стене, высвечивая прошедшее много лет назад.

В шалаше непривычно тесно и душно. Локоть Николая упирается Саше в ребра. Тамара прижалась спиной к Женьке и сидит красная, распаренная. Наташе не хватило места в шалаше, и она сидит на песке у входа, отодвинув марлевый

полог.

– Ты чего нас так срочно собрал? – почему-то шепотом спрашивает Колька. И Саша вдруг решает – больше я в эти игры не играю и в шалаш больше не приду.

– Жарко здесь, – вдруг глухо говорит Женька, – пошли к костру.

Место костра аккуратно заброшено землей. Уже две недели не собирались, не варили уху, – июльская жара.

– То, что я сегодня узнал – тайна. Наш сосед Иван Иванович, такой столетний дед с бородой, помог моему отцу пи-
лить в саду старые засохшие яблони. А когда сели обедать, он выпил за знакомство и брякнул: – У старого клуба есть колодец заброшенный...

– Вода в нем соленая, и пацаны туда сдуру в прошлом году старый велосипед бросили, – вставил Колька, но девчонки на него зашикали: – Помолчи!

– Наш старый клуб – бывшая старая церковь, – продолжил Женя, – ее построили давно, до революции. Она была деревянная. А самые большие кирпичные церкви были в Харьковке и Салтово, но после революции их взорвали и растащили на кирпичи. Нашу школу в Старой Полтавке тоже из того кирпича построили.

– А колодец? – не выдержала Саша.

– У нашей церкви кресты снимали и сделали клуб, а в доме, где сейчас библиотека, жил священник. И дед клялся моему отцу, что давно, когда строили церковь, от дома

батюшки до церкви был прорыт подземный ход.

– Зачем ход? – не поняла Тамара.

– Как зачем? А вдруг враги нападут? Или воры? Раз, собрал все сокровища, и через подземелье вынес незаметно, – Колька по привычке начал размахивать руками. – А дальше?

– А дальше, – Женя сделал паузу, – в колодце спуск в подземный ход. И завтра утром мы лезем в колодец.

Солнце почти закатилось, от реки потянуло прохладой, загудели комары.

– Пошли купаться, – загорелый Николай с разбега с обрывачика нырнул в воду и появился где-то на середине Ерусалана. За ним нырнул Женька. Девчонки зашли в воду по очереди, осторожно, начали нырять, зажав росы пальцами, потом поплыли неспешно, шумно выгребая по-собачьи.

Саше очень хотелось сорвать сарафан и прыгнуть вслед за ребятами, но постеснялась выставиться перед всеми, забрела по колено, умылась.

Вечер растворился в шуме и плеске, постепенно натягивая ночную прохладу и свежесть от воды на кустарники и деревья, на высокий обрывистый противоположный берег

В селе вспыхнули уличные фонари, и на реке вдруг сделалось подозрительно сумрачно и жутко.

– Все, хватит, пошли домой! – Саша, держась за ветку, ополоснула ступни, надела шлепки, хотя почти километр нужно было идти по тропинке среди кустов.

Мальчишки, размахивая рубашками, босиком рванули

наперегонки, чтобы согреться. Девчонки, боязливо оглядываясь на шорохи, поспешили за ребятами к селу.

– Саша, – обернулся Женька, – иди сюда, что-то скажу, – они остановились, пропуская всех:

– В колодец полезем в четыре часа, пока село спит. Девчонок не берем, ну, кроме тебя, конечно. Принеси веревки, какие есть дома, и еще нужен фонарь с закрытым стеклом.

– У нас в погребе – «Летучая мышь». Принесу, – Саша покраснела, стояла, не поднимая глаз.

– Давайте по-тихому, вдвоем, – жестко сказал Женя, – посмотрим, что к чему.

Саша, боясь проспать, на цыпочках через каждые тридцать минут подкрадывалась к настенным часам, чиркала спичку, потом ложилась в постель, дрожа от озноба ожидания, предчувствий и еще чего-то неожиданного, от которого в духоте комнаты вдруг замерзли ступни.

Согревшись, уснула и проснулась от настойчивого стука в окно: «Господи, проспала!»

– Опять на рыбалку? – заглянула в комнату проснувшаяся мама, – Одну не пущу! – но Сашин топот уже стих за дверью.

Тучи затянули весь горизонт, на западе в стороне Волги небо резко озарялось сполохами грозы.

Не выспавшиеся лица ребят белели в угрюмой тишине спящей улицы.

– Первым в колодец полезу я, – Женя забрал веревки и фонарь. Голос звучал хрипло. – Коля меня сверху будет

подстраховывать, а ты, Саша, если кто подойдет, будешь отвлекать. Скажешь – мяч футбольный нечаянно уронили.

Они оттащили в сторону ржавый лист железа, шифер, закрывавшие остатки деревянного сруба. Сразу потянуло запахом несвежей застоявшейся воды

Женя закрепил толстый канат, который Колька взял без спроса, вокруг корявого ствола огромного тополя, выросшего рядом, бросил конец в темное отверстие. Сняв куртку, обвязался для страховки вокруг пояса бельевой веревкой.

– Ну, я пошел, – он опустил ноги в колодец, сидя, стал примерять расстояние между стенками шершавого потемневшего от времени сруба.

– Саша. Посвети, – желтый круг от фонаря осветил толстые, источенные временем бревна сосны или лиственницы.

– Костюм спортивный пропал, – вздохнул Коля, когда Женя, упираясь спиной и ногами, вися на канате, сделал первые шаги по стене, – ты смотри на бревна, там должна быть дверца или дыра. И в воду не свались!

– Саша, опусти мне сюда фонарь пониже, – скомандовал Женя, и Саша начала торопливо опускать фонарь, кашляя, – все-таки надыхалась керосинового чада.

– Стоп! Придержи фонарь! – Женин голос звучал глухо, бесцветно. – Никакой дверцы и дыры тут нет, хотя хорошо виден водораздел – снизу черная, совершенно гнилая стенка. Я сейчас попробую повернуться и посмотрю, что за спиной.

– Повернуться ему надо, а вдруг бревно на голову свалит-

сы? – заворчал Коля.

Уже совсем рассвело. Вид парка был неприглядный. Низина посреди села заросла высокими кленами, тополями и зеленела, благодаря запасам весеннего половодья, когда по улицам сюда сбегали десятки ручьев.

Колодец, вернее то, что от него осталось, стоял повыше, на отшибе, за зданием клуба. От сруба осталось венца два, не было навеса, ворота, хотя Саша помнила, что когда-то здесь висело на толстой кованой цепи ржавое ведро.

– Я тут на какой-то балке стою, – донеслось снизу, – вода вся в тине, запах-молчу, – донеслось снизу.

– Женька, давай сворачиваться, а то застукают нас тут мужики...

– Постой, – вдруг перебил Женя, – Саша, опусти фонарь пониже, а то он мне всю щеку сожжет. Ребята, тут вроде дверца! Прямоугольник из другого материала! Из доски! Топор нужен. Сейчас попробую ногой, – снизу раздались глухие удары.

– Женя, осторожнее! – крикнула Саша в какую-то нереальную жуткую тьму. Когда прибежала к колодцу, в азарте первых минут было жарко, а тут напала противная икота и нервная дрожь. Саша несколько раз глубоко вздохнула, постаралась подольше задержать дыхание, но ничего не помогло.

– Ты чего дрожишь? – Колька сплюнул. – Смотри, на Женьку фонарь не урони, а то придется его тушить.

И словно подслушав, старый фонарь вдруг закоптил черно-красным светом и потух.

– Женька, вылезай! Уже коров гонят! – Колька несколько раз дернул веревку. Саша вытащила потухший фонарь. Они с Колей попытались потянуть канат вверх, но безрезультатно. Женька был неподъемно тяжелым.

– Придется родителей звать. Твой отец дома? А мой меня прибьет за то, что канат без спроса взял, – они оба стукнулись головами, когда одновременно заглянули в глубину.

– Женья, попробуй по стенке ногами – как туда, теперь обратно!

Они следили, как Женья, подтягиваясь, как в спортзале, медленно поднимался вверх.

Вскоре он, отбросив канат, повис на срубе, охватив побелевшими пальцами шершавое бревно. Колька попытался схватить Женю за рукав, но только мешал ему. С большим напряжением, подтянувшись, Женья вылез из колодца.

Он сел прямо на землю. Адидассовский спортивный костюм был весь в грязи, особенно на рукавах и спине, из кроссовок вылилась темная жижа.

– Теперь с турника не слезу, – вдруг зло сказал Женья, – а ход в подземелье мы все-таки нашли. Здорово!

– Ты как? – спросила Саша, наклонившись и заглядывая в глаза. И тут Женья схватил ее за плечи, притянул к себе, и она, потеряв равновесие, рухнула на его колени, прямо на грязные кроссовки, в его объятия. Женька, прижав Сашу

к себе, крепко поцеловал ее в щеку.

– Дурак! – она вырвалась из его рук и, схватив лампу с закопченным стеклом и привязанной веревкой, бросилась прочь от мальчишек. Веревка, подпрыгивая, как живая, побежала за Сашей.

От неожиданного поцелуя, от непонятной обиды перехватило горло, Дрожь начала трясти все тело, словно хотела выбить какие-то другие слова.

А день уже разгулялся. Люди спешили по своим делам. Солнце начинало жечь с привычной настойчивостью. В небе снова не было ни облачка, и только неторопливо расходился молочный след от реактивного самолета.

Глава 4. ВОСПОМИНАНИЯ

*Люблю степи спокойствие весеннее,
Когда она так жадно синий воздух пьет,
На вспаханной груди в взволнованном веселье
Рождение жизни бережно несет.*

*Когда она, босая, обнаженная,
Натягивает робко полотно дождя.
Когда тяжелым колосом, завороженная,
До горизонта разбегается волна.*

– В кафе, Женя, в субботу и в воскресенье свадьбы играют. Приглашаю к себе в гости. В меню: вчерашний борщ, жареная картошка, салат из помидоров, арбуз. И еще, мне нужно перетащить во двор мешки с картошкой.

– Какую картошку? Много? – не понял Женя.

– Да я с плантации шла. Весь день картошку копала.

– Одна? – Женя повернулся, покачал удивленно головой. – Плантация – это прихоть или необходимость?

Саша рассмеялась, скинула куртку:

– Вот мешки потаскаешь – узнаешь. Необходимость, конечно, но и удовольствие: все лето загорала, купалась, плавала, ныряла на просторе за селом. Там такое течение, глубина и, главное, – чистая вода. А необходимость – два мешка картошки – матери с отцом, они в дедушкину квартиру переехали, в двухэтажный дом, теперь без огорода. Два меш-

ка – в Волгоград свекрови и дочери, один мешок – мне.

– А купить нельзя, чтобы не надрываться? Где ты живешь? Куда рулить?

Саша назвала адрес, пояснила:

– Через полгода после смерти мужа поменяла свою двухкомнатную квартиру на уютный старый домик с садом и огородом. Родители денег добавили.

Саше хотелось одного – снять влажное белье, стать под душ, надеть легкую ночную рубашку, залезть под мягкий плед и заснуть. А утром заколоть волосы, выпить чая и побежать без опоздания на августовский педсовет..

Она смотрела, как легко без напряжения Женя внес мешки во двор, сложил их под навес гаража, прислонил аккуратно к деревянному забору лопату, присел на невысокое крыльцо, с интересом рассматривая цветник, сад, виноградник. Саша вошла в дом:

– Чем его угощать? Вином собственного изготовления? Жареной картошкой? – она увидела в зеркале свое обожженное, обветренное на солнцепеке лицо, прилизанные, не расчесанные волосы, схваченные заколкой:

– Боже, на кого я похожа? – и остановилась в растерянности – себя приводить в порядок или на стол накрывать?

– Саша, иди сюда скорее! Посмотри!

Прямо из-за крыши соседнего дома на востоке в еще нетемных сумерках медленно, неторопливо поднимался нереально огромный диск Луны со всеми его морями, гора-

ми, кратерами.

– Сашенька, я такой огромной Луны в жизни не видел! – он притянул Сашу к себе, обнял за плечи:

– Давай посидим и посмотрим, какие у вас здесь в Старой Полтавке чудеса бывают!

Они сидели на теплых ступеньках деревянного крыльца, касаясь друг друга плечами, обнаженными руками, боясь, шевельнуться и спугнуть то невероятное, невозможное, незапно возникшее чувство теплоты, родства душ двух совершенно чужих людей. Они, словно привыкали друг к другу, связанные этим призрачным видением огромной Луны на постепенно темнеющем небосводе.

А диск, затаившись за крышей, через какое-то время, словно крадучись, вылез весь, целиком и покатился вверх, постепенно удаляясь от горизонта, становясь все меньше и меньше, пока не превратился в обычную Луну.

Женя встал:

– Уже поздно. Ты сегодня устала. Я поеду. Мне очень не хочется от тебя уходить. Мы с тобой еще увидимся. Спокойной ночи! – и он ушел, закрыв за собой старую калитку.

Не включая свет, Саша переоделась, упала на диван. Сил и слез не было; ушли, словно заглохли все чувства, осталась только усталость от такого долгого августовского дня.

Глава 5. КОСТЯ

Когда разбился на машине Костя, тоже был такой бесконечно суматошный день в начале августа. Она сбегала в магазин за молоком, встретила сестру с племянником на автобусной остановке. Потом чаевничала с родителями и гостями, и она запомнила, как шумно хлопнув входной дверью, Костя возник в проеме кухонной двери:

– Всем привет! Мы сегодня с ребятами ремонт в кабинете закончили. Отпускные, наконец, пришли, под вечер шашлычок на речке организуем в честь приезда родственников. А обои в зале я тебе, Саша, завтра помогу поклеить. До вечера! – и прошел через минуту под окнами кухни, помахав рукой на прощанье.

Через два дня собирался в Волгоград к матери отдохнуть и позагорать на Волге с Аннушкой.

Нужно было обдирать в зале старые обои, но в комнатах стояла несусветная жара, вода перестала идти, даже не капала из открытого крана, а тут еще зацепилась на дворе за гвоздь на заборе и выдрала клоч сарафана.

Села в тени на общей лавочке, зажав в зубах длинную нитку, чтобы не зашить память, и прямо на себе стала заштопывать дырку.

Соседка не вошла, а скорее протиснулась в калитку у лавочки:

– Тебе, Саша, не звонили из больницы?

– Не знаю, я здесь на улице сижу, на свежем воздухе.

– Сашенька, там твоего мужа привезли в больницу, всего переломанного, – авария на дороге.

Не шла, а пролетела бегом километр до больницы после звонка:

– Ваш муж в тяжелом состоянии, – и положили трубку.

В больнице было душно, хотя все окна, затянутые марлей, были открыты. Остаток дня и всю ночь она обмахивала Костю каким-то журналом, отгоняла этим же журналом мух, которые назойливо садились на марлевые повязки со следами крови, на запекшиеся губы, на закрытые веки.

А под вечер Костя пришел в себя, открыл глаза, попытался улыбнуться:

– Без меня ремонт не делай, я сам полы покрашу, – и снова ушел в себя.

Он постепенно съезжал с подушек вниз и упирался ногой в спинку кровати.

Под вечер пришли мужчины – учителя, взявшись за углы простыни, подтянули Костю повыше. Но за ночь он снова съехал вниз, и опять его ступни упирались в спинку кровати, словно он инстинктивно хотел найти точку опоры и поднять свое большое тело от жаркого потного матраса, от этих бесконечных уколов, от не проходящей боли.

Сестры меняли системы, кололи обезболивающие, заходили хирурги, терапевт, заплаканная мама, отец, в дверь за-

глядывали любопытные...

Умер Костя рано утром, не приходя в сознание. Дернулся, будто что-то хотел сказать на прощание, и вдруг вытянулся.

Прибежали медсестры, дежурный хирург. Все было кончено. И в ее жизни наступил разлом, – в тридцать лет стала вдовой.

Линия жизни на левой ладони раздвоилась – оборвалась, дальше пошла параллельно.

Глава 6. РАЗДУМЬЕ

*Я так живу, как будто завтра – вечер,
И ночь, густая, вечная, корабль мой захлестнет,
И унесет мою любовь, мечты, надежды песни,
Покоем опущит ресницы, брови гордые вразлет.*

*Как много было прожито пустых бесплодных
весен,
Когда стремилось сердце за гусями ввысь,
Но цепи долга, беспросветность быта, зажав
в тиски,
Хватали за руки:– Пора, угомонись!*

*Я их рвала, я в путах билась постоянно,
Шагнула к людям, истину поняв.
К дорогам прикипев, друзьям не изменяла,
На жертвенный алтарь работе все отдав.*

Женя приехал через неделю, первого сентября, в пятницу на линейку у школы. Все было привычно торжественно: выпускники, первоклассники, букеты, шары. И вдруг сзади:

– С праздником, Сашенька! – и он протянул ей огромный букет белых роз. Ее семиклассники, их мамы мгновенно отреагировали —одновременно повернулись и беззастенчиво уставились на незнакомца.

– Ты завтра, в субботу свободна от уроков? – Женя слегка сжал у локтя ее руку с букетом. Саша кивнула. Было

очень шумно от музыки, голосов многолюдной толпы, дважды в год собиравшейся у школы в начале и конце года на торжественные линейки.

Женя наклонился к ее лицу, и Саша испугалась, – вдруг при всех он обнимет ее.

– Когда ты освободишься? – его волосы защекотали лоб, ухо. Сердце, точно его толкнули нечаянно, подпрыгнуло и стало неуправляемо биться болезненно часто.

– Хочешь ко мне на урок мира пойти? – Саша прижала к раскрасневшемуся лицу холодные влажные бутоны.

Женя покачал головой, улыбнулся:

– Я тебя подожду в машине. Там, – он махнул рукой в сторону школьного стадиона.

Саша растерялась, Она с кем-то здоровалась, ее обнимали бывшие выпускники, какие-то комплименты по поводу нового платья говорили коллеги-учителя, а потом вся толпа учеников хлынула по лестнице к широко распахнутой двери, радуясь пустым пока ранцам и одному единственному уроку, без домашних заданий.

И все это время Женя стоял рядом – в светлом дорогом костюме, высокий, симпатичный, но такой незнакомый и чужой.

Она немного пришла в себя только, когда после урока закрылась дверь за последним учеником.

В голове вертелись слова Ваенги: – Давай же на этот раз мы друг друга не потеряем.

Саша подошла к окну: у входа на стадион стояло несколько машин, и среди них – его, Женина.

– Чего ты стоишь? Беги к нему! Ты – молодая еще женщина. У тебя был только один мужчина – твой Костя. Но его нет вот уже пять лет. Пять лет одиночества вдвоем с дочерью, рядом с родителями, которые любят, жалеют, помогают. Но ты живешь как монашка, и гордишься собой, словно дала обет безбрачия, – Саша, вздохнув, посмотрела на шикарные розы в пластиковом ведре рядом со скромными букетами учеников.

– Тебя обожгли при встрече лучи заходящего солнца, необычность ситуации или память о детской любви? А, может быть, неожиданный поцелуй? Ты ведь рада, что он не обиделся на тебя за холод первой встречи, что он пришел сегодня именно к тебе. Ты думаешь, – а вдруг я ему совсем не нужна? Ведь у него семья – жена, дочь, – и, что ты останешься лишь одним из приятных воспоминаний на бывшей Родине, спустя столько лет...

Саша решительно подошла к BMW Жени. Он сидел, уткнувшись подбородком о скрещенные на руле руки, кивнул на место рядом с собой:

Саша послушно села, положив сжатые кулачки на колени, как примерная ученица на экзамене.

– У тебя очень красивое платье. Тебе говорили, что ты похожа на «Незнакомку» Крамского? Но ты не такая, как эта высокомерная гордячка. Да, у тебя такие же чувствен-

ные губы, нос, брови взлет, такой же упрямый подбородок. Но глаза другие – серьезные, зеленые, как у кошки. И умный лоб с копной роскошных волос, а овал лица у тебя тоньше, нежнее, Ты – живая, без позы, без желания кого-то удивить, поразить. Я тебя такой запомнил и очень рад, что ты не изменилась!

Он накрыл своей ладонью ее напряженные кулачки:

– Ты была на Эльтоне?

– Да, с учениками на экскурсии, – Саше захотелось вдруг, чтобы он сжал ее вздрагивающие коленки, плечи, все тело. Желание было таким сильным, что она испугалась, что сама бросится на шею.

– Предлагаю поехать на озеро Эльтон. Да, просто на три дня уехать в другой район, в другую эпоху, где нас никто не знает. На самое дно бывшего древнего моря. И ты познакомишь с историей родного края еще одного послушного ученика – меня. Согласна?

Саша молчала.

– Я хочу, чтобы ты привыкла ко мне. Поедем! Ты – мой аленький цветочек, выросший на земле моих предков в этом забытом богом краю! – он поцеловал по очереди, обе ладошки. – Поехали!

Глава 7. ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

– Кто подвигнет тебя к небесам? – Только сам!

– Кто низвергнет тебя с высоты? – Только ты!

– Где куются ключи к твоей горькой судьбе? –

Лишь в тебе!

– Чем рассчитаешься ты за проигранный бой? –

Лишь собой.

(Неизвестный автор)

Как это было давно, в другой жизни, но почему так зримо, осязаемо она помнила каждую минуту того незабываемого существования? Наверное, это особенность юности – впитывать новизну перемен каждой частичкой души, словно камерой на память, записывая каждый жест, каждое слово, каждое мгновение.

Саша помнила....

В почтовом ящике на другой день лежала записка:

– Вечером на танцплощадке в восемь часов. Есть разговор. Женя

На секунду она представила вдруг, как они с Женькой танцуют медленный танец, и, покраснев, запела:

– Женя, Женечка, какое ласковое имя.

Танцплощадка была единственным местом, где по вечерам у старинной деревянной эстрады топтались на бетонном полу влюбленные пары, а остальные с нескрываемым инте-

ресом обсуждали последние новости села.

Свет фонаря освещал только танцующих, а вокруг были спасительная тьма, независимость, свобода передвижения и обычные деревянные скамейки без спинок

Женя с Колькой сидели на самой дальней лавочке:

– Там, в колодце точно дверца, но спускаться по канату очень трудно. Сейчас пойдем ко мне и сделаем веревочную лестницу – трап, как на корабле. Время еще есть.

– Разрешите вас пригласить, – белобрысый высокий солдат в выгоревшей на беспощадном солнце форме с какими-то нагрудными значками жестко схватил Сашу за руку, – нас к вам на уборку прислали с армейскими самосвалами.

От неожиданности Саша, растерявшись, покорно пошла за солдатом на освещенный пятачок.

Был медленный танец, и парень по-хозяйски, не отпуская ладонь, прижал Сашу плотно к себе. Она любила танцевать, с первого класса ходила в Дом школьников на занятия хореографического кружка, но сейчас она, прижав локти к груди, просто переступала в жарком объятии незнакомца.

– Какая у вас шикарная река! Мы до вас были в Астраханской области, так там, не то, чтобы искупаться, – пить нечего, вода привозная, – он еще что-то рассказывал, щекоча словами ухо, а она молила, чтобы скорее кончилась музыка.

Через вечность танец закончился, но парень крепко держал за руку, не собираясь расставаться. И тут Саша бесцеремонно вырвалась и скрылась в спасительной темноте. Ребята

нигде не было.

Она видела, как солдат расспрашивал девчонок, пропустил быстрый танец, сделал несколько кругов по танцплощадке. Саша рванула домой.

Утром пришла к колодцу раньше всех привязала к тополию веревку с фонарем и стала ждать.

Первым появился Колька:

– Чего это ты вчера рысью за солдатиком побежала? Он тебя тоже в Белоруссию увезет? – Коля присел на пригорке.

– С ума сошел что ли? Какая Белоруссия? Вы лестницу сделали?

Колька обиженно засопел:

– Всю ночь лестницу делали и в колодце без тебя как-нибудь обойдемся. Женька вчера здорово разозлился.

И тут появился Женья, молча, размотал на пыльной дороге лестницу из веревок.

– Зажигайте фонарь, – приказал он, пробуя упругость веревок, – светите, – и полез вниз.

– Топор опускайте, – удары топором по предполагаемой дверце были глухими.

– Женька! Руби, не жалея! Давай я залезу – помогу, – Колька лег на землю, заглядывая вниз.

– Ребята! Дыру проломил ногой! Гнилые доски рассыпались на куски.

– Ура! – заорал Колька. – Подземный ход нашли!

– Я в дыру полезу с фонарем. Если веревка натянется, от-

вяжите от дерева.

Расчистив проем, он боком протиснулся, держа фонарь перед собой, и внизу стало полутемно.

– Я полезу, – вдруг сказала Саша, – а ты, в случае чего, беги к моему отцу в военкомат, он сегодня дежурит.

Колька не успел удивиться, когда Саша перемахнула ногу через остов колодца и начала медленно спускаться по лестнице в полной темноте. Было жутковато. Ладонью попробовала осклизлое холодное дерево стенки колодца.

– Жень, ты где? – голос звучал глухо в то же время беспокойно громко. – Жень, подожди меня. Она судорожно шарил ладонью по стенке, стоя на последней ступеньке лестницы.

Дыра оказалась на уровне груди, пришлось подняться вверх на две ступени. Ноги дрожали с непривычки. С трудом встала на одно колено, не отпуская спасительной лестницы, потом легла медленно на живот, отпустила лестницу, поползла на коленях вперед.

– Жень! – она закричала таким отчаянным голосом, что впереди засветился фонарь.

– Зачем полезла? И говори тише. Видишь, какие здесь крепления гнилые.

Он держал фонарь на уровне груди, согнувшись почти пополам. Вместо потолка сверху лежали древние дряхлые доски где-то на уровне двух метров с такими же гнилыми подпорками. Шириной проход был метра полтора, стены – по-

темневшая глина, под ногами – песок. Воздух – тяжелый, влажный, без всякой вентиляции.

– Пойдем обратно, Женечка! Если рухнет, то будет братская могила, – Саша схватила его за рукав. – Ну, пожалуйста!

– Сиди здесь с края, а я определю по компасу направление хода и пройду несколько метров. Жди, – и он, с трудом развернувшись в узком туннеле, унес лампу, и сразу стало темно.

Потом глаза пригляделись, – слабый свет теперь попадал из колодца, – сверху рассветало.

– Сашка! Вы там живые?

И в этот момент в темноте, куда ушел Женя, послышался треск не выдержавших тяжесть земли подпорок. До Саши долетела пыльная волна.

Она высунула голову в дыру и закричала не своим голосом:

– Колька, беги за моим отцом! Обвал! – сорвав теплую куртку, полезла вперед, вытянув руки, ничего не видя, словно слепая, повторяя: – Женя, Женечка.

Оставшийся воздух был забит пылью, Дышать становилось все труднее. Шагов через пять она услышала Женькин шепот: – Саша, я здесь. Меня слегка присыпало.

– Сейчас, Женечка, сейчас, – она стала разгребать руками жесткую с комками землю, задыхаясь и плача невидимыми слезами

– Саша, протяни руку вперед, – Женькина рука оказалась

рядом. В жутком мраке этого подземного коридора она наткнулась другой рукой до потухшей лампы, потом сдвинула в сторону кусок доски и нащупала Женькин кроссовок

– Ты можешь двигаться? – она стала отгребать землю с ноги, постоянно чихая от поднявшейся пыли

– Саша, давай к выходу! Меня по голове доской ударило – отверстие впереди было светлым пятном, вдруг пятно погасло.

– Саша! Вы где? – в лицо ей резко брызнул слепящий свет большого электрического фонарика, и Саша услышала голос отца.

– Папа! Папочка! Свети, пожалуйста, мы здесь! – и она, поднявшись с колен, ослепленная, рванулась навстречу родному голосу.

– Папа, там Женя! Его присыпало.

Отец, стоя на их же лестнице, перевязал Сашу широкими ремнями на поясе и подмышками, крикнул вверх: – Ребята, тяните потихонечку, – и через несколько секунд Сашу извлекли из колодца два огромных дядьки в брезентовых пожарных робах.

Вскоре подняли из колодца Женю. Он был бледен, на голове запеклась присыпанная землей кровь. Вскоре приехала «Скорая» и увезла Женю с сотрясением мозга.

Вокруг колодца собралась небольшая толпа любопытных. Подоспевшие милиционер и председатель сельсовета начали уговаривать всех разойтись.

– Пойдем домой. Идти можешь? – отец отвел ее к бабушке и дедушке и заторопился на прерванное дежурство в военкомат, отряхивая пыль с черных форменных брюк.

Саша, сидя на диване, вспомнив все происшедшее, обрадовалась и ужаснулась, – им крупно повезло. Пройди Женя еще один или два метра, его засыпало бы насмерть.

Коля был главным героем – спасателем и досмотрел все действия до конца.

Через час председатель сельсовета пригнал машину с землей, рабочие со стройки сдернули гнилые бревна вниз, аккуратно засыпали колодец землей. Сверху для перестраховки положили большую бетонную плиту.

Сашу посадили под домашний арест: никаких рыбалок, шалашей, купаться на речку – только с родителями, и, вообще, ни шагу со двора. И она оказалась наедине с книгами. Это было время книжного запоя.

Библиотека располагалась в старинном особняке, бывшем поповском доме. Построенное больше ста лет назад, из-за нехватки денег или просто руки не дошли, оно так и осталось стоять без изменений и внутри и снаружи: огромный деревянный пятистенок, как говорили раньше. На почти двухметровом беленном фундаменте из красного кирпича, с множеством окон, двумя выходами, – парадным, где сделанные из выдержанных сосновых досок ступени только слегка стерлись, и задним, из пристройки, где когда-то была кухня.

В здании сохранились голландки, отапливаемые углем и дровами. И только кровельное железо на крыше заменили шифером.

В семье любили читать все: бабушка – русскую классику, дедушка с папой – исторические и приключенческие романы, мама – Драйзера, Голсуорси, Стендаля, новинки журналов «Юность», «Нева», «Огонек».

Саша уже давно украдкой читала книжки из взрослой библиотеки, правда, было два громких разоблачения, когда застали за чтением «Алой буквы» и «Синего шихана», но потом мама смирилась. Наиболее «опасные», на ее взгляд книги, она просто забирала на работу, хотя в должности старшей операционной сестры в больнице ей было не до книг.

Саша запоем стала читать Джека Лондона, Вальтера Скотта, Жюль Верна.

Записки в почтовом ящике больше не появлялись.

В августе Сашу отправили в ссылку – в областной лагерь актива.

Глава 8. ДОРОГА

*Степь. Утро. Август. И я жду машину,
Стою у истока рожденья дорог.
Светлеет небо сквозь тенистую вершину —
Безжалостное солнце вышло на порог.*

*Там, за чертою, где-то – боль, обиды, люди,
А здесь – полынный, горький, незнакомый дух.
Тепло песка и пыли, и дорога – мне не судьи,
Ловлю лишь говор проводов на слух.*

*Столбы, столбы, мы землю застолбили.
Изрезали дорогами, тропинками, шоссе —
Дороги, словно из корзинки обронили,
Поспешино раскатав на солнечном ковре.*

*Какой-то час, и побегут машины,
Повиснет пыль, как осенью туман,
И прочно станет мир, забыв вчерашние ушибы,
И разлетится ночи таинственный дурман.*

*Засуетится жизнь, забьется, заторопит,
Закрутит новый день из разговоров и бумаг,
Когда ты вечно нужен всем или кому-то,
Доказываешь, споришь и, устав, —
не признаешься,
Газету ешь глазами, на бегу,
Детей не видишь, телефон не отключаешь....
И вдруг – твой ранний час в степи, в лесу...*

*Не веришь. И молчишь. И слушаешь.
С утра – такая неземная тишина.*

...Решено! Через час я за тобой заеду. Успеешь собраться?

Саша кивнула, вылезла из машины и пошла, не оглядываясь, со своими роскошными букетами через футбольное поле.

Пятиклашки в нарядных белых рубашках самозабвенно гоняли мяч, сбросив ранцы, пиджачки, куртки в большую живописную кучу возле футбольных ворот.

Сборы у Саши заняли мало времени. На три дня, значит: ночную рубашку, халат, белье, купальник, теплую куртку, кроссовки, – и так по мелочи набралась полная спортивная сумка. Оделась в дорогу по погоде: открытый сарафан, широкополая шляпа, очки. Да, деньги. Саша достала из кошелька и пересчитала купюры. Не густо. Хорошо, что дали зарплату без задержки в канун нового учебного года. Деньги – это независимость, чувство уверенности и спокойствия. Самое главное – на гостиницу и столовую хватит.

Сложила в пакет, на всякий случай, кое-что из продуктов: конфеты, печенье, яблоки.

Она срезала гроздья винограда, когда вошел Женя:
– Собралась? – он по-хозяйски забрал сумку, пакет. – Поехали.

– А мои ученики просились завтра в поход, на речку, – Саша в нерешительности остановилась у калитки.

– Никуда твои ученики не денутся. У них впереди годы, – обняв за плечи свободной рукой, Женя буквально вытащил ее со двора, тщательно закрыв калитку на железную щеколду.

Машину Женя вел классно, вовремя тормозил на побитом асфальте, объезжая опасные трещины и ямы, резко сбавлял скорость на поворотах.

Солнце слепило глаза по-летнему зло и непримиримо, пришлось надеть очки.

– Почему Эльтон? – не выдержала Саша.

– Ага, заговорила первая! – засмеялся Женя. – Вот, посмотри, пока будем ехать до Палласовки. Мой личный дневник, – и он достал из сумки общую тетрадь в черной кожаной обложке.

– Не надо, – Саша отодвинула тетрадь, та упала на коврик.

Женя, молча, протянул книжечку Муравьева «Дорогами российских провинций», положил Саше на колени. – Прочитаешь потом.

Женя иногда, отвлекаясь от дороги, смотрел на Сашу мельком, словно хотел что-то сказать, но молчал, и каждый раз от его взгляда она хотела приказать холодно: – Останови машину, но лишь независимо поворачивала голову к боковому стеклу, бездумно глядя на мелькающие столбы электропередач вдаль по ровной линии горизонта, сменяющие-

ся картины выжженной степи и убранных прямоугольников полей, редких или наоборот заросших лесополос.

Параллельно шоссе по высокой насыпи железнодорожного полотна иногда проносились небольшие, словно игрушечные, вагоны редких пассажирских поездов, тянулись, застывая на запасных путях разъездов, длиннющие товарники.

По дороге навстречу пылили на больших скоростях груженные арбузами, томатами, дынями самосвалы с прицепами, добывая и без того изношенный асфальт.

– Ни одна машина нас пока не обогнала, – Саша подняла с коврика тетрадь, положила рядом:

– А ты шлепки или тапочки резиновые взял?

Женя посмотрел вопросительно

– Там, на озере – совершенно марсианский пейзаж: выжженная степь с небольшой возвышенностью, где-то на шестьдесят восемь метров выше уровня моря, а само озеро на пятнадцать метров ниже уровня моря. Так, называемая гора Улаган, соляной купол, покрытый песком, щебнем, вперемежку с солью. И постоянно дующий горячий ветер. И колючее от кристаллов соли скользкое дно озера. Без шлепок нельзя.

Саша рассмеялась:

– Мы были в июне. Уровень воды кое-где был сантиметров тридцать, а сейчас после засушливого лета будем бродить по щиколотку. Эльтон – начало или окончание твоего путешествия?

– Все будет зависеть от тебя, – Женя свернул на обочину. Притормозил на развилке дорог. – В Палласовку будем заезжать?

– Конечно! Давай прямо к вокзалу. Там памятник Палласу. Здесь почти все улицы идут параллельно железной дороге. Нужно еще воды купить чистой, а то после купания в озере все тело коркой соли покроется.

Напротив старинного здания вокзала, с толпившимися возле автобусов пассажирами, среди незамысловатых клумб возвышалась на высоком постаменте скульптура Палласа возле вьючной лошади с надписью: «Географическая экспедиция во главе с П. С. Палласом – академиком Российской императорской Академии в 1773 году исследовала район озер Эльтон, Баскунчак. Станция Палласовка названа именем П.С.Палласа в 1907 году».

По мосту пересекли широкий обмелевший Торгун, свернули с шоссе возле поста ГАИ на узкую асфальтированную полосу.

Дорога пошла под уклон, вскоре закончились пахотные земли с лесополосами, зной усилился, хотя в машине с кондиционером было комфортно.

Все чаще дорогу стали перебегать суслики и хомяки в пятнистых шубках, застывали на обочине, присев на задних лапках и поворачивая потешные мордочки вслед машине.

По пыльной выбитой дороге

Обоз чумацкий медленно плывет,
Озер соленых сатанинское снадобье
Чувалы полные везет

Дорога (чтобы ей издохнуть)
До края света скоро доведет,
И от жары вдруг начинаешь глохнуть,
И город сказочный у озера встает.

Танцуют девушки в причудливой одежде,
Звенит цепями верблюдов караван...
Протрешь глаза – лишь степь, как прежде,
Минута – и вновь призрачного облака обман.

И так весь день. Люди устали,
Молят:– Ну, хоть бы ветерка чуток!
Но, распластав концы горячей шали,
В полнеба машет солнца огненный платок...
Это было как наваждение.

Вдруг в голове прокручивалась строчка слов, потом другая, и начинался поиск рифмы, такой волнующий, заманчивый, тревожный и обманчиво-легкий, на первый взгляд. Она хватала ручку, листок, записывала свои стихотворные выбросы. Это случалось все чаще. Саше нравилось все, что она записывала на бумаге, пока в руки не попал томик стихотворений Фета. Эти стихи звучали музыкой: каждая строчка была объемной, посвященной именно ей, Саше, близким

современным человеком. Она хотела порвать свои тетрадки, но пожалела.

Строчки приходили, напоминали о себе, особенно, когда было одиноко, безнадежно грустно, когда думала о Жене.

Женя не пришел на линейку первого сентября тогда, двадцать один год назад.

Девятиклассников из нескольких классов, целую толпу загоревших, отдохнувших за время каникул, пытались расставить на определенные места классные руководители, но все незаметно перемещались, делились новостями, откровенно игнорируя расписанный ритуал линейки. Но Жени среди них не было.

На перемене Саша сама подошла к Николаю:

– А где твой друг? Проспал, что ли?

Коля торопился в столовую:

– Здравствуйте! С Луны свалилась! Это ты у нас – спящая красавица! Женькин отец получил большой дом в совхозе, и Женька теперь будет учиться в Верхнем Еруслане. Школа у них маленькая, еще до революции построенная, бывший дом пастора. У них в девятом классе всего семь человек. Мы с парнями к Женьке на велосипедах ездили, с девчонками верхнеерусланскими познакомились.

Представляешь, у них каждый вечер на мосту, ну, этот старинный железный мост через Еруслан, так вот там танцы. Мы сегодня вечером поедem. Помчались в столовую, а то все остынет, – и Колька побежал по лестнице догонять од-

ноклассников

Саша ушла с уроков, закрылась в доме, разделась, легла на диван. Щеки горели, наверное, кто-то ругал или вспоминал. Вскочила, оделась, выскочила за калитку:

– Ну и пожалуйста, – она вдруг поняла, что этим летом что-то изменилось в ее жизни, изменилась она сама потому, что появился Женя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.